

Когда А-Эра связывали, он не почувствовал ни страха, ни волнения.

Ему случалось выживать со снесённой половиной черепа, терпеть удары в самое сердце и из века в век нести чужое проклятие. Мало кто во вселенной мог, подобно ему, голыми руками крушить проклятых духов особого ранга. И пусть сейчас, когда измученное тело разваливалось на части, он лишился прежних сил, страха перед жалкими селянами он не испытывал.

По правде говоря, куда сильнее физической немощи его ранили слёзы Рэнъя. Мальчишка рыдал взахлёб, содрогаясь всем телом. А-Эр пырвался успокоить его, но разъярённые крестьяне стеной встали между ними, не подпуская близко.

А-Эра оттащили на пустырь в самом центре деревни. Там уже высилась груда валежника. Кто-то достал зажигалку — его собирались сжечь заживо. Опомнившись, А-Эр сообразил, что это место отлично просматривается из окон дома Рэнъя. Он повернул голову и действительно увидел Сиро Куросаву: тот ничком лежал на земле у порога и, широко распахнув полные ужаса глаза, потрясённо всматривался в происходящее.

Сиро едва держался на ногах после тяжёлой болезни, силы ещё не вернулись к нему окончательно. Но сейчас в его тёмно-зелёных глазах вспыхнула бешеная, отчаянная воля. Он смотрел на А-Эра так, словно перед ним был единственный человек во всей вселенной, ради которого он без колебаний пожертвовал бы собой. Превозмогая слабость, мальчик приподнялся и, пошатываясь, точно младенец, едва научившийся ходить, ринулся вперёд. Он спотыкался, падал в дорожную пыль, поднимался и упрямо бежал дальше. В этом безумном беге сквозила яростная решимость: он пытался обогнать саму судьбу, вырвать у неё то единственное, что было ему дорого. Ладони и колени были ободраны в кровь, острая боль пронзала тело, но он не замечал её. Словно фанатичный мученик, Сиро готов был собственной плотью задушить робкие языки пламени, пока те не успели разгореться в бушующий костёр.

Тем временем Рэнъя вырвался из рук державших его крестьян и бросился к А-Эру.

— Учитель... о, учитель! — выдохнул он, и голос его сорвался, а по бледному лицу хлынули горячие слёзы.

Сердце А-Эра сжималось при виде детского горя, но в глубине души вопреки всему шевельнулась странная, неуместная мысль: «Как же это прекрасно. Как хорошо уметь проливать столь чистые, искренние слёзы».

Ведь и Кадзума Арааки, и Сидзука Годзё, и Камилла — все они были лишь его ипостасями. Даже воплотившись в наделённом божественной силой Сидзуке, который то и дело плакал, А-Эр знал: в этих слезах таилась фальшь. На самом деле его душа оставалась глуха и нема. Настоящий А-Эр просто не умел плакать. И теперь горячие слёзы ребёнка казались ему дороже всего золота мира. Но эта драгоценная влага жгла его душу сильнее любого пламени.

В своё время Сабору Годзё обучил его особому трюку со связыванием. Изловчившись, А-Эр высвободил руку, ласково отёр слёзы с их лиц и, крепко сжав детские ладошки, негромко

произнёс:

— Всё хорошо. Я не умру. Пожалуйста, не плачьте. Верьте мне, я ведь ваш учитель. А теперь бегите отсюда, пока огонь не перекинулся на вас.

Он и не подозревал, как дико и зловеще эта сцена выглядела со стороны. Мужчина с лицом, скрытым странной чёрной вуалью, тихо шептался с детьми, и плотная ткань придавала его облику пугающую, почти гипнотическую прелесть. Стоя на пороге мучительной гибели, он не выказал и тени страха — лишь безмятежно, ласково улыбался.

Эта кроткая улыбка в точности повторяла лик с древнего свитка, хранившегося в деревенском святилище уже тысячу лет. Сомнений не оставалось: перед ними был демон. Черноволосое чудовище с серебристо-белыми глазами, наславшее на их остров проклятие.

— Сжечь его! — выкрикнул кто-то из толпы, и этот призыв мгновенно подхватили десятки безумных голосов: — Сжечь тварь! Сжечь! Сжечь!

Детей вновь бесцеремонно оттащили в сторону. А-Эра опутали новыми, толстыми верёвками, намертво прикрутив к деревянному столбу так, что он не мог пошевелить даже пальцем.

Лица соседей — тех самых людей, что прежде ласково качали Рэнью на руках, подкармливали сирот и казались воплощением добродетели — теперь исказила дикая, ликующая гримаса. Они улыбались безумно, с каким-то сладострастным предвкушением. Для них казнь не была жестоким убийством невинного: они искренне верили, что вершат священное таинство, которое избавит их от скверны и вознесёт на небеса. Их весёлый смех походил на карканье стаи стервятников. В багровых отсветах пламени людские силуэты ложились на сухую землю длинными, уродливыми тенями, напоминавшими пляску чертей. Сжимая в руках сухие поленья, эти праведники жаждали лишь одного — пиршества плоти.

Сухой хворост вспыхнул мгновенно. С неистовым гулом огонь взметнулся вверх, превращаясь в ревущее чудовище. Воздух наполнился сухим треском и едким, тошнотворным запахом палёной плоти. Дети кричали, бились в чужих руках, умоляя остановиться, но безжалостная хватка взрослых держала их мёртвой хваткой. Им оставалось лишь беспомощно смотреть, как заживо сгорает тот, кого они боготворили всем сердцем.

И вдруг среди бела дня небесный свод начал стремительно меркнуть. Тьма напознала столь стремительно, что люди не успевали даже осознать происходящее. Толпа оцепенела. Испуганные крестьяне задрали головы к небу, безмолвно моля богов вернуть благодатный свет, но вышина на глазах наливалась чернильной чернотой, пока весь мир не погрузился во мрак.

На чёрном куполе безжизненно тлело солнце, сжавшееся до размеров слепящего белого диска. Но вскоре и его поглотила невидимая пасть — светило стремительно чернело, угасая. И в этой крошечной, мёртвой пустоте лишь объятый пламенем А-Эр сиял подобно новому солнцу. Его погребальный костёр изливал ровный, чистый свет, пронзающий ночной кошмар и обнажающий уродливую суть притаившегося вокруг зла. Происходящее больше не походило на

казнь преступника. Это было великое таинство — суровое испытание, огненное крещение, рождение заново.

— Учитель! — в один голос закричали мальчишки.

И они рванулись к костру. Без колебаний, точно обезумевшие мотыльки на свет свечи, они бросились прямо в пекло. Языки пламени тут же лизнули их кожу, вгрызаясь в плоть. Дикая, нечеловеческая боль обожгла разум, вырывая из детских грудей отчаянный крик.

Этот крик вырвал балансирующего на грани беспамятства А-Эра из забытья. Пути, сдерживавшие его, уже обратились в пепел. Высвободив руки, он в последний раз в жизни прижал к себе Рэнью и Сиро. Сверкнула магическая техника: приняв на себя их ожоги и боль, А-Эр из последних сил оттолкнул мальчишек прочь, в сторону ошеломлённой толпы.

Но А-Эр не мог предвидеть одного. В тот миг, когда пальцы мальчишек коснулись его распадающейся, гибнущей плоти, они соприкоснулись с самой его сутью — с обнажённой душой. И в их сознание хлынул чужеродный поток.

То были воспоминания А-Эра. Воспоминания Игрока.

Космические просторы, виртуальный симулятор, послушные марионетки-NPC, Камилла, Кадзума Арааки, Сидзука Годзё... Проклятия, слияние душ, клятва быть вместе навеки... Пираты, разбойники, страшные тайны затерянного в океане клочка суши... Острые осколки чужой памяти вонзались в их разум. Головы мальчишек раскалывались от невыносимой боли, словно их тела четвертовали, и единственным избавлением казалась смерть.

Огонь на одежде детей не успел разгореться, и подбежавшие крестьяне быстро сбили пламя. Но перенесённая боль не вырвала у них ни звука. Они застыли, бессмысленно глядя перед собой, а из глаз их катились беззвучные слёзы. Потерянные, опустошённые, точно дикие зверьки, у которых отняли нору и бросили на растерзание хищникам, они лишь тихо шептали в пустоту:

— ... Учитель?

Небо вновь посветлело. Солнце привычно покатилося по лазурному своду, заливая мир равнодушными лучами. Минувший кошмар показался нелепым, диким сном. Вот только пробуждения не последовало.

С тихим стуком обуглившаяся перекладина рухнула на землю. Люди боязливо подняли взоры. Человек под чёрной вуалью больше не дышал.

После гибели учителя мальчики существовали словно в тумане. Еда не шла им в горло. Они избегали друг друга, забившись по углам в своих опустевших хижинах. А когда их пути всё же пересекались, они лишь молча отводили глаза. За все эти дни они обменялись лишь парой фраз:

— Ты тоже... видел *это*?

— Да.

Взрослые вели себя как ни в чём не бывало. Жизнь на отрезанном от мира клочке суши текла своим чередом, словно они по-прежнему оставались наивными глупыми детьми, чьей единственной заботой было накопить денег на билет до Токио.

Порой Рэнъе казалось, что хлынувшие в его разум образы были плодом воспалённого от горя воображения. Ему хотелось расспросить Сиро, но один лишь взгляд на друга воскрешал в памяти подробности того страшного дня, заставляя сердце разрываться от боли. А тот, кто мог бы дать ответы, ушёл навсегда.

Настало время большого лова. Вся деревня пришла в движение, даже староста отправился в море вместе с рыбаками. Рэнъя твёрдо решил выяснить истину. Если то, что он видел, не бред безумца, в доме старосты должны храниться разгадки тайн, связанных с «демоном».

Мальчик не привык медлить. Он разыскал безучастного ко всему Сиро и увёл его за собой. Столкнувшись лицом к лицу, они долго молчали. Наконец Рэнъя изложил свой план. Сиро лишь безмолвно кивнул и поплёлся следом.

Дверь дома старосты была заперта. Однако ребята давно заметили, что забывчивый старик прячет запасной ключ под подоконником окна, выходящего на сарай. Прибежав на место, они нашли нужную щель в каменной кладке. Выковыряв закрывавший её обломок кирпича, Рэнъя нащупал заветный ключ.

Щёлкнул замок. Сиро остался караулить у входа, а Рэнъя, зная дом старосты как свои пять пальцев, скользнул внутрь.

Жилище главы общины казалось сиротам настоящим дворцом: одна лишь гостиная превосходила размерами их убогие лачуги. Впрочем, важные бумаги вряд ли лежали на виду, поэтому Рэнъя сразу направился в спальню старосты.

Футон был аккуратно сложен в шкафу, отчего комната казалась полупустой. Беглый осмотр не дал результатов: на глаза попадались лишь ветхие оккультные трактаты да батареи бутылок со спиртным, припрятанные в погребе. Задумавшись, Рэнъя широко распахнул дверцы шкафа и вытащил тяжёлые постельные принадлежности. На самом дне под ними обнаружился двойной настил, скрывавший старые тетради, пачки пожелтевших газет и какие-то расписки. Чуть глубже лежали пузырьки с лекарствами и склянки с той самой горючей смесью, которой

селяне облили хворост под ногами его учителя.

Развернув пожухлые газетные листы, Рэнъя впился глазами в заголовки:

[Мультимиллионер господин Карасума продолжает поиски своего похищенного сына...]

[Новая волна загадочных исчезновений детей по всей стране...]

[Тела пропавших без вести детей обнаружены в лесных массивах...]

[Генетические риски близкородственных союзов: последствия браков между кузенами...]

Записи в тетрадях вели разные люди: почерк постоянно менялся, а значение некоторых мудрёных слов мальчик расшифровать не мог. Однако общую картину он восстановил безошибочно. Кошмарная правда заключалась в том, что и его, и Сиро Куросаву просто-напросто украли. Они были живым товаром.

Поскольку в последние годы на острове перестали рождаться дети, староста решился на преступление и связался с торговцами людьми. Химикаты и сонные порошки, унаследованные от предков и усовершенствованные нынешним поколением, использовались для усыпления похищенных сирот. С помощью этого зелья они проворачивали свои грязные сделки на материке.

Судьба несчастных пленников была незавидной. Большинство погибало вскоре после прибытия: кто-то от болезней, а кто-то — от рук местных жителей, уставших от криков детей, которые помнили прежнюю жизнь и умоляли вернуть их к родителям. Выжить удалось лишь двоим — Рэнъе и Сиро. Они были слишком малы, чтобы помнить большой мир, а потому смирились со своей долей.

— Ха... ха-ха... — Из груди мальчика вырвался сухой, сиплый смешок, словно у умирающего от жажды путника посреди пустыни. Но с каждым мигом безумный хохот становился всё громче, пока не превратился в истерический визг: — Ха-ха-ха-ха-ха! Ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха!

До чего же смешно! До чего нелепо! Какая потрясающая, уродливая комедия!

Тихий, прекрасный уголок посреди океана. Добрые, отзывчивые соседи. Да они же выродки, потомки свирепых пиратов, бежавших сюда от виселицы! Веками они свято чтит воровские законы праотцов, плодились, вырождались и женились на собственных сёстрах. А рождавшихся уродов и калек списывали на гнев духов и родовое проклятие! И теперь, когда из-за кровосмешения утробы их женщин окончательно опустели, они пошли на кражу чужих детей.

Они с Сиро почитали похитителей как благодетелей, целовали им руки за кусок хлеба! А ведь

не будь этих тварей, они росли бы в ласке и тепле, воспитывались родными матерью и отцом, не зная нужды.

Но самое невыносимое, самое дикое — всё это ложь! Пустышка! Весь этот мир — одна сплошная бутафория! Вся их жизнь, страдания, слёзы — лишь строчки кода в чьей-то забаве. Они — бездушные марионетки, жалкие неписи, созданные развлекать невидимого зрителя! А их любимый учитель — единственный живой человек, забредший в эту бутафорию. Игрок, ради прихоти которого крутятся шестерёнки этого фальшивого мира!

— Ха-ха-ха-ха! — Голос сорвался на хриплый, удушливый кашель. Мальчик согнулся пополам, хватаясь за грудь, словно его лёгкие разрывались на части, а по щекам безостановочно катились горячие, злые слёзы.

Смех перерос в глухие, надрывные рыдания. Неужели ему суждено остаться здесь? Сможет ли он притворяться, будто ничего не знает, и день за днём улыбаться убийцам своей судьбы?

В памяти всплыли урывки чужих воспоминаний. Хаотичные, разрозненные образы не складывались в цельную картину, но несколько понятий выжглись на подкорке навечно: Чёрная организация, вороны, вино... Икарос.

Рок уже сделал свой ход. Обратной дороги нет.

Он вскинул голову. Лицо его лоснилось от слёз, но в распахнутых глазах застыло жуткое, мёртвое безумие.

Утерев размазанную по лицу кровь и слёзы, Рэнъя невозмутимо перешагнул порог. Сухо бросив Сиро, что разгадка ждёт его на дне платяного шкафа, он отошёл в сторону, давая другу войти.

Примерно через полчаса Сиро вышел наружу. От его прежней робкой неловкости не осталось и следа. Кожа приобрела мертвенно-серый оттенок, а в глубине тёмно-зелёных глаз угасла последняя искра жизни. Там царила могильная тьма.

Заперев дом старосты и вернув ключ на место, мальчики без единого слова разошлись по своим хижинам.

Вечером рыбацкие лодки причалили к берегу. Остров огласился весёлыми криками и смехом сытых, довольных людей. Мальчики лежали на своих циновках, безучастно прислушиваясь к долетавшим с улицы голосам. В их головах уже зрел безжалостный план.

Глубокой ночью Рэнъя тихо постучал в окно к Сиро. Две тени скользнули к дому старосты. Привычным движением достав ключ, они бесшумно проникли в спальню спящего старика.

Сиро навалился на его лицо, намертво зажимая рот ладонью, а Рэнъя безжалостно, раз за разом вонзал нож в податливую плоть.

Спустившись в погреб, они уставились на штабеля бутылок со спиртным — запретным зельем, к которому крестьянам запрещено было даже прикасаться.

Остров спал беспробудным сном. Вымотанные тяжёлой дневной работой рыбаки дрыхли без задних ног, не подозревая, что пробуждение их будет страшным. Они проснулись лишь тогда, когда пламя доползло до их постелей, а нестерпимый жар начал плавить кожу. Воздух разорвали первые истошные вопли.

Спасения не было. Облитые высокоградусным алкоголем деревянные стены вспыхивали за секунды. Морской ветер и вековые деревья превратили крошечный клочок суши в гигантский факел. Остров полыхал точь-в-точь как костёр, на котором сожгли их учителя. Но спаситель больше не явился из пламени.

Вокруг бесновался ад. Обезумевшие от боли люди метались среди огня, крича и умоляя о пощаде. А двое мальчишек безмолвно созерцали это пепелище. В их пустых, точно высохшие колодцы, глазах отражалось лишь бушующее зарево.

Они забрались в моторный катер старосты. Ключ зажигания был у них. И пусть они не умели управлять судном и понятия не имели, как выжить в открытом океане — любой исход казался лучше той жизни, что они оставляли позади.

— Отплываем, — негромко произнёс Рэнъя.

— Да, — отозвался Сиро.

Судёнышко медленно тронулось с места и растаяло в ночной мгле.

В это же самое время у ворот древнего, величественного поместья клана Годзё появился молодой человек из вассальной семьи. Бережно баюкая спящего младенца, он постучал в тяжёлую дубовую дверь.

— Господин Годзё! — взволнованно заговорил юноша, как только слуги приоткрыли створку. — Это дитя возникло в моей обители буквально из ниоткуда! Его глаза... они невероятного цвета. Могу я надеяться, что предначертанное сбылось и это тот самый младенец, чьё явление связывают с рождением обладателя Шести Глаз?..

В этот миг дитя на его руках тихо зашевелилось и устремило на мир бездонный, серебристо-белый взор.

<http://bllate.org/book/18335/1760506>